

С. Ф. Платонов

Лекции по русской истории

выпуск III

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П37

П37 **Платонов С.Ф.**
Лекции по русской истории: выпуск III / С. Ф. Платонов – М.: Книга по Тре-
бованию, 2017. – 200 с.

ISBN 978-5-517-95603-3

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1899 года

ISBN 978-5-517-95603-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

въ прежнее состояніе. Плоды его дѣятельности—внѣшняя сила Россіи и новый порядокъ внутри страны были на глазахъ у cadaго, жгучая вражда недовольныхъ стала воспоминаніемъ. Но многіе, сознательно жившіе люди, и долго спустя послѣ смерти Петра продолжали ему удивляться меньшее современниковъ. Они жили въ созданной имъ гражданской обстановкѣ и пользовались культурой, которую онъ такъ старательно насаждалъ. Все, что они видѣли вокругъ себя въ общественной сферѣ, вело начало отъ Петра. О Петрѣ осталось много воспоминаній, о томъ же, что было до него, стали забывать. Если Петръ внесъ въ Россію свѣтъ просвѣщенія и создалъ ея политическую силу, то до него какъ думали, была «тьма и ничтожество». Такъ приблизительно характеризовалъ до-Петровскую Русь канцлеръ графъ Головкинъ, поднося Петру титулъ Императора въ 1721 г. Онъ выразился еще рѣче, говоря, что гениемъ Петра мы «изъ небытія въ бытіе произведены». Въ послѣдующее время эта точка зрѣнія замѣчательно привилась: Ломоносовъ называлъ Петра «богомъ», ходячее стихотвореніе звало его «свѣтомъ» Россіи. Петра считали творцомъ всего, что находили хорошаго вокругъ себя. Видя во всѣхъ сферахъ общественной жизни начинанія Петра, его силы преувеличивали до сверхъестественныхъ размѣровъ. Такъ было въ первой половинѣ XVIII в. Вспомнимъ, что тогда не существовало еще исторической науки, что возможность просвѣщенія данная Петромъ, создала еще немногихъ просвѣщенныхъ людей. Эти немногіе люди судили Петра по тому преданію, какое сохранилось въ обществѣ о времени преобразованій.

Но не все, что было въ Россіи послѣ Петра, было хорошо. Не всѣмъ, по крайней мѣрѣ, оставались довольны мыслящіе люди XVIII в. Они видѣли, напримѣръ, что усвоеніе западно-европейской образованности, начатое при Петрѣ, превращалось часто въ простое перениманіе культурной внѣшности. Они видѣли, что знакомство съ Западомъ, съ пользой, приносило къ намъ часто и пороки западно-европейскаго общества. Далеко не всѣ русскіе люди оказывались способными воспринять съ Запада здоровыя начала его жизни и оставались грубыми варварами, соединяя однако съ глубокимъ невѣжествомъ изящную внѣшность европейскихъ щеголей. Въ сатирическихъ журналахъ, второй половины прошлаго вѣка, мы постоянно встрѣчаемъ нападки на этотъ разладъ внѣшности и внутренняго содержанія. Раздаются голоса противъ безтолковаго заимствованія западныхъ формъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, развитіе историческихъ знаній позволяетъ уже людямъ XVIII в. оглянуться назадъ, на до-Петровское время. И вотъ многіе передовые люди (князь Щербатовъ, Волтинъ, Новиковъ) темными сторонами своей эпохи противопоставляютъ свѣтлыя стороны до-Петровской поры. Они не развѣнчиваютъ дѣятельности Петра, но и не боготворятъ его личности. Они рѣшаются критиковать его реформу и находятъ, что она была односторонней, привила намъ много хорошаго со стороны, но отняла отъ насъ много своего хорошаго. Къ такому выводу они приходятъ путемъ изученія прошлаго, но это изученіе далеко не спокойно: оно вызвано недостатками настоящаго и идеализируетъ прошлую жизнь. Однако эта идеализація направлена не противъ

самого Петра, а противъ нѣкоторыхъ послѣдствій его реформы. Личность Петра и въ концѣ XVIII в. окружена такимъ же ореоломъ, какъ и вначалѣ столѣтія. Императрица Екатерина относится къ нему съ глубокимъ уваженіемъ. Находятся люди, посвящающіе всю жизнь собранію историческаго матеріала, служащаго къ прославленію Петра,—таковъ купецъ Голиковъ.

Во второй половинѣ XVIII в. зарождается уже наука Русской Исторіи. Но историки того времени или усердно собираютъ матеріалы для исторіи (какъ Миллеръ) или заняты изслѣдованіемъ древнѣйшихъ эпохъ русской жизни (Ломоносовъ, Байеръ, Штритеръ, Татищевъ, Щербатовъ, Шлецеръ). Петръ еще вѣдъ предѣловъ ихъ вѣдѣнія. Первую научную оцѣнку получаетъ онъ отъ Карамзина.

Но Карамзинъ, какъ историкъ, принадлежитъ уже нашему вѣку. Ученый по критическимъ приемамъ, художникъ по натурѣ и моралистъ по міровоззрѣнію, онъ представлялъ себѣ русскую историческую жизнь, какъ постепенное развитіе національно-государственнаго могущества. Къ этому могуществу велъ Россію рядъ талантливыхъ дѣятелей. Среди нихъ Петру принадлежало одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ. Но, читая «Исторію Государства Россійскаго» въ связи съ другими историческими трудами Карамзина, вы замѣчаете, что Петру, какъ дѣятелю, Карамзинъ предпочиталъ другого историческаго дѣятеля—Ивана III-го. Этотъ послѣдній сдѣлалъ свое влнательство сильнымъ государствомъ и познакомилъ Русь съ западной Европой безо всякой ломки и насильственныхъ мѣръ. Петръ же насильствовалъ русскую природу и рѣзко ломалъ старый бытъ. Карамзинъ думалъ, что можно было бы обойтись и безъ этого. Своими взглядами Карамзинъ сталъ въ нѣкоторую связь, съ критическими воззрѣніями на Петра, упомянутыхъ нами людей XVIII в. Также, какъ они, онъ не показалъ исторической необходимости петровскихъ реформъ, но онъ уже намекалъ, что необходимость реформы чувствовалась и ранѣе Петра. Въ XVIII в., говорилъ онъ, сознавали, что нужно заимствовать съ Запада: «явился Петръ»,—и заимствованіе стало главнымъ средствомъ реформы. Но почему именно «явился Петръ», Карамзинъ еще не могъ сказать.

Въ эпоху Карамзина началось уже вполнѣ научное изслѣдованіе нашей старины. (Карамзину помогали цѣлые кружки ученыхъ людей, умѣвшихъ не только собирать, но изслѣдовать историческій матеріалъ). Въстѣ съ тѣмъ въ первой половинѣ XIX в. въ русскомъ обществѣ пробуждалась сознательная общественная жизнь, распространялось философское образованіе, рождался интересъ въ нашему прошлому, желаніе знать общій ходъ нашего историческаго развитія. Не будучи историкомъ, Пушкинъ желалъ работать надъ Исторіей Петра, но смерть помѣшала этому. Не будучи историкомъ, Чаадаевъ принялся размышлять надъ русской исторіей и пришелъ къ печальному выводу, что у насъ нѣтъ ни исторіи, ни культуры.

Обращаясь къ прошлому, русскіе образованные люди не имѣли специальныхъ историческихъ знаній и вносили въ толкованіе прошлаго тѣ точки зрѣнія, какія почерпали въ занятіяхъ нѣмецкой философійей, Германская метафизика XIX в. очень вліяла на русскую образованную

молодежь, и особенно метафизическая система Гегеля. Подъ влияніемъ его философіи, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ Россіи образовались философскіе кружки, выработавшіе цѣльное міровоззрѣніе и имѣвшіе большое влияние на умственную жизнь русскаго общества середины нашего вѣка. Въ этихъ кружкахъ принципы германской философіи примѣнялись къ явленіямъ русской жизни и вырабатывалось, такимъ образомъ историческое міросозерцаніе. Самостоятельная мысль этихъ «людей 40-хъ годовъ», отстраиваясь отъ данныхъ германской философіи, приходила къ своимъ особымъ выводамъ, у разныхъ лицъ неодинаковымъ. Всѣ послѣдователи Гегеля между прочими философскими положеніями, выносили изъ его ученія двѣ мысли, которыя въ простомъ изложеніи выразятся такъ; 1-ая мысль: всѣ народы дѣлятся на историческіе и неисторическіе; первые участвуютъ въ общемъ міровомъ прогрессѣ, вторые стоятъ внѣ его и осуждены на вѣчное духовное рабство. 2-ая мысль: высшимъ выразителемъ мірового прогресса, его верхней (послѣдней) ступеню, является германская нація съ ея протестантской церковью. Германско-протестантская цивилизація есть, такимъ образомъ, послѣднее слово мірового прогресса. Одни изъ русскихъ послѣдователей Гегеля вполне раздѣляли эти воззрѣнія; для нихъ поэтому древняя Русь, не знавшая западной германской цивилизаціи и не имѣвшая своей, была страной неисторической, лишеной прогресса, осужденной на вѣчный застой. Эту «азиатскую страну» (такъ называлъ ее Бѣлинскій) Петръ Великій своею реформой пріобщилъ къ гуманной цивилизаціи, создалъ ей возможность прогресса. До Петра у насъ не было исторіи, не было разумной жизни. Петръ далъ намъ эту жизнь и поэтому его значеніе безконечно важно и высоко. Онъ не могъ имѣть никакой связи съ предъидущей русской жизнью, ибо дѣйствовалъ совсѣмъ противоположно ея основнымъ началамъ. Люди, думавшіе такъ, получили название западниковъ. Они, какъ легко замѣтить, сошлись совершенно съ тѣми современниками Петра, которые считали его земнымъ богомъ, пріизведшимъ Россію изъ небытія въ бытіе.

Но не всѣ люди 40-хъ годовъ думали такъ. Нѣкоторые, принимая теорію мірового прогресса Гегеля, по чувству патриотизма возмущались его мнѣніемъ, что германская цивилизація есть послѣдняя ступень прогресса и что славянское племя есть неисторическое племя. Они не видѣли причины, почему прогрессъ долженъ остановиться на германцахъ; изъ исторіи они выносили убѣжденіе, что славянство было далеко отъ застоя, имѣло свое историческое развитіе, свою культуру. Эта культура была самостоятельна и отличалась отъ германской въ трехъ отношеніяхъ.

1) На западѣ, у Германцевъ, христіанство явилось въ формѣ католичества и затѣмъ протестантства; на востокѣ у славянъ — въ формѣ православія.

2) Древне-классическую культуру германцы восприняли изъ Рима въ формѣ латинской, Славяне изъ Византіи, въ формѣ греческой. Между той и другой культурой есть существенныя различія.

3) Наконецъ государственнй бытъ въ древне-германскихъ государствахъ сложился путемъ завоеванія; у славянъ, и у русскихъ въ

частности, путем мирнымъ. Поэтому въ основаніи общественныхъ отношеній на западѣ лежитъ вѣковая вражда; у насъ ея нѣтъ.

Самостоятельное развитіе этихъ трехъ началъ составляло содержание древне-русской жизни. Такъ думали нѣкоторые болѣе самостоятельные послѣдователи германской философіи, получившіе названіе славянофиловъ. Наибольшаго развитія самостоятельная русская жизнь достигла въ эпоху Московскаго государства. Петръ нарушилъ это развитіе. Онъ своею насильственной реформой внесъ къ намъ чуждыя, даже противоположныя начала западной германской цивилизаціи. Онъ повернулъ правильное теченіе народной жизни на ложную дорогу заимствованій. Онъ не понималъ завѣтовъ прашлага, не понималъ нашего «національнаго духа»- Чтобы остаться вѣрными этому національному духу, мы должны отречься отъ чуждыхъ западно-европейскихъ началъ и возвратиться къ саомытной старинѣ. Тогда, сознательно развивая національныя наши начала, мы своей цивилизаціей можемъ смѣнить германскую и станемъ въ общемъ міровомъ развитіи выше германцевъ.

Таковы воззрѣнія славянофиловъ. Петръ по ихъ мнѣнію, измѣнилъ прошлому, дѣйствовалъ противъ него. Славянофилы ставили высоко личность Петра, признавали пользу нѣкоторыхъ его дѣлъ, но считали его реформу вредною въ самомъ ея существѣ и не національною. У нихъ, какъ и у западниковъ, Петръ былъ лишень всякой внутренней связи съ предшествовавшей ему исторической жизнью.

Вы, конечно, уже замѣтили, что ни одно изъ разсмотрѣнныхъ нами воззрѣній на Петра не было въ состояніи указать и объяснить внутреннюю связь его преобразованій съ предъидущей исторіей. Даже Карамзинъ не шелъ далѣе смутнаго намека. Эту связь Петра съ прошлымъ уловилъ чутьемъ въ 40-хъ годахъ Погодинъ, но не ранѣе, какъ въ 1863 г. онъ могъ высказать объ этомъ свои мысли. Причиной этому были отчасти недостатки историческаго матеріала, отчасти отсутствіе у Погодина дѣльнаго историческаго міросозерцанія.

Такое міросозерцаніе было внесено въ наши университеты въ концѣ 40-хъ годовъ, когда Погодинъ уже кончилъ свою профессорскую дѣятельность. Носители новыхъ историческихъ идей были молодые ученые, воззрѣнія которыхъ на нашу исторію въ то время назывались «теоріей родового быта». Впослѣдствіи же эти ученые стали извѣстны подъ собирательнымъ именемъ «историко-юридической школы» Они первые установили мысль о томъ, что реформы Петра явились необходимымъ слѣдствіемъ всего историческаго развитія русской жизни.

Воспитались эти ученые подъ вліяніемъ германской философіи и исторической науки. Вначалѣ нашего вѣка историческая наука въ Германіи сдѣлала большіе успѣхи. Дѣятели, такъ называемой «германской исторической школы» внесли въ изученіе исторіи чрезвычайныя плодотворныя руководящія идеи и новыя, точныя методы изслѣдованія историческаго матеріала. Главной мыслью германскихъ историковъ была мысль о томъ, что развитіе человѣческихъ обществъ не есть результатъ случайностей и единичной воли отдѣльныхъ лицъ; напротивъ, это развитіе совершается, какъ развитіе организма, по строгимъ законамъ, ниспровергнуть которые не можетъ сила чловѣка.

Первый шагъ къ такому воззрѣнію сдѣлалъ еще въ концѣ XVIII в. Фр. Августъ Вольфъ въ своемъ трудѣ.

За нимъ послѣдовали историки, Нибуръ и Готфридъ Миллеръ, занимавшіеся исторіей Рима и Греціи; историки юристы Эйхгорнъ (историкъ древне-германскаго права) и Савиньи (историкъ римскаго права въ средніе вѣка). Ихъ направленіе создало въ Германіи къ половинѣ XIX вѣка блестящее положеніе исторической науки.

Подъ влияніемъ германской науки воспитывались и наши ученые. Они усвоили себѣ всѣ выводы и воззрѣнія нѣмецкой исторической школы. Нѣкоторые изъ нихъ увлекались и философіей Гегеля. Хотя въ Германіи точная и строго фактическая историческая школа не всегда жила въ ладу съ метафизическими умствованіями Гегеля и его послѣдователей, тѣмъ не менѣе, историки и Гегель сходились въ основномъ воззрѣніи на исторію, какъ на закономѣрное развитіе человѣческихъ обществъ. И историки и Гегель отрицали случайность и ихъ воззрѣнія поэтому могли ужиться въ одной личности.

Эти воззрѣнія и были приложены къ русской исторіи нашими учеными. Первые сдѣлали это, въ своихъ лекціяхъ и печатныхъ трудахъ, профессора Московскаго университета С. М. Соловьевъ К. Д. Кавелинъ. Они думали показать въ русской исторической жизни органическое развитіе тѣхъ началъ, которыя были даны первоначальнымъ бытомъ нашего племени. Они полагали, что главнымъ содержаніемъ нашей исторической жизни была естественная смѣна однихъ формъ жизни другими. Подмѣтивъ порядокъ этой смѣны, они надѣялись найти законы нашего историческаго развитія. По ихъ мнѣнію, государственный порядокъ окончательно установленъ у насъ при Петрѣ Великомъ его дѣятельностью. Петръ Великій своими реформами отвѣчалъ на требованія національной жизни, которая ко времени Петра развивалась уже до государственныхъ формъ бытія. Стало быть, дѣятельность Петра вытекла изъ исторической необходимости и была вполнѣ національной.

Такъ, въ первый разъ была установлена органическая связь преобразованій Петра съ общимъ ходомъ русской исторіи. Не трудно замѣтить, что эта связь чисто логическая, лишенная пока фактическаго содержанія. Непосредственнаго историческаго преемства между Русью XVII в. и эпохой Петра въ первыхъ трудахъ Соловьева и Кавелина указано не было. Это преемство вообще долго не давалось нашему ученому сознанию.

Стараясь сыскать это непосредственное преемство, какъ сами Соловьевъ и Кавелинъ, такъ и ихъ послѣдователи историки-юристы, обращаясь къ изученію до Петровской эпохи, склонны были думать, что Россія въ XVII в. дожила до государственнаго кризиса. «Древняя русская жизнь,—говоритъ Кавелинъ,—исчерпала себя вполнѣ. Она развила всѣ начала, которыя въ ней скрывались, всѣ типы, въ которыхъ непосредственно воплощались эти начала. Она сдѣлала все что могла и, окончивъ свое призваніе, прекратилась». Петръ вывелъ Россію изъ этого кризиса на новый путь. По мнѣнію Соловьева, въ XVII в. наше государство дошло до полной несостоятельности, нрав-

ственной, экономической и административной и могло выйти на правильную дорогу только путем резкой реформы (Ист. т. XIII). Эта реформа пришла съ Петромъ. Такъ судили о XVII в. и другіе изслѣдователи (Чичеринъ, Дмитріевъ и пр.). Въ обществѣ распространился взглядъ на Московскую Русь, какъ на страну застоя, не имѣвшую силъ для прогрессивнаго развитія. Эта страна дожидла до полного разложенія, надо было крайнее усиліе для ея спасенія, и оно было сдѣлано Петромъ. Такимъ образомъ преобразования Петра представлялись естественной исторической необходимостью, они были тѣсно связаны съ предыдущей эпохой, но только съ темными, отрицательными ея сторонами, только съ кризисомъ стараго строя.

Но, такое пониманіе историческаго преемства между старой Русью и реформой, въ послѣднее время, замѣняется другимъ. Новую точку зрѣнія внесъ въ науку тотъ же Соловьевъ. Необходимо замѣтить, что его взгляды на реформу Петра, съ самаго начала его научной дѣятельности отличались нѣкоторой двойственностью. Въ одной изъ раннихъ своихъ статей («Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи», 1851 г.), говоря о критическомъ положеніи Московскаго государства въ XVII в., Соловьевъ не ограничивается только указаніемъ на явленія этого кризиса, но замѣчаетъ, что Государя XVII в., для удовлетворенія новыхъ нуждъ государства, начала рядъ *преобразованій*. «Въ теченіи XVII в., говоритъ онъ:—явно обозначились новыя потребности государства и призваны были тѣ же средства для ихъ удовлетворенія, которыя были употреблены въ XVIII в. въ такъ называемую эпоху преобразованій». Такимъ образомъ Петръ не только получилъ отъ стараго порядка одно сознаніе необходимости реформъ, но имѣлъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ, дѣйствовалъ ранѣе намѣченными путями. Словомъ онъ рѣшалъ старую, не имъ поставленную задачу и рѣшалъ ранѣе извѣстнымъ способомъ. Позднѣе Соловьевъ блистательно развилъ такой взглядъ въ своихъ «Чтеніяхъ о Петрѣ Великомъ» въ 1872 г. Здѣсь онъ прямо называетъ Петра «сыномъ своего народа», выразителемъ народныхъ стремленій. Бросая общій взглядъ на весь ходъ нашей исторіи, онъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ естественно развивалось у нашихъ предковъ сознаніе своей политической слабости, умственной отсталости и экономическаго безсилія, какъ постепенно дѣлались попытки исправить свое положеніе, какъ постоянно стремились лучшіе люди къ общенію съ Западомъ, какъ крѣпло въ русскомъ обществѣ сознаніе необходимости перемѣнъ: «народъ собрался въ дорогу, заканчиваетъ онъ—и ждалъ вождя». Этотъ вождь явился въ лицѣ Петра Великаго».

Высказанный послѣ долгаго и пристальнаго изученія фактовъ, этотъ взглядъ Соловьева поражаетъ и глубокой внутренней правдой и мастерствомъ изложенія. Не одинъ Соловьевъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ думалъ такъ объ историческомъ значеніи реформы (вспомнимо Погодина), но одному Соловьеву удалось такъ убѣдительно и сильно сформулировать свой взглядъ. Петръ продолжатель стараго движенія знакомаго древней Руси. Въ его реформѣ и направленіе и средства не новы: они даны предшествовавшей эпохой. Ново въ его реформѣ только

страшная энергия Петра, быстрота и рѣзкость преобразовательнаго движенія, беззапятная преданность идеѣ, безкорыстное служеніе дѣлу до самозабвенія. Ново только то, что внесъ въ реформу личный геній, личный характеръ Петра.

Такая точка зрѣнія дала теперь полное историческое содержаніе мысли объ органической связи реформы Петра съ общимъ ходомъ русской жизни. Эта мысль, какъ я указалъ, явилась у насъ чисто логическимъ путемъ, какъ аргюм'ный выводъ изъ общаго историческаго созерцанія нѣкоторыхъ ученыхъ. Въ трудахъ Соловьева этотъ историческій выводъ достигъ высшей степени своего развитія реформа Петра, такъ сказать, конкретно связалась съ предъидущими эпохами.

Развивая общее наше историческое сознаніе, идея Соловьева дала направленіе и многимъ частнымъ историческимъ изслѣдованіямъ: Историческія монографіи о XVII в. и времени Петра констатировали теперь связь преобразованій съ предъидущими эпохами и въ отдѣльныхъ сферахъ древне-русской жизни. Въ результатѣ такихъ монографій является всегда одинаковый выводъ, что Петръ непосредственно продолжалъ начинанія XVII в. и оставался всегда вѣренъ основнымъ началамъ нашего государственнаго быта, какъ онъ сложился въ XVII в. Пониманіе этого вѣка стало инымъ. Недалеко еще то время, когда эпоха первыхъ царей Романовыхъ представлялась временемъ общаго кризиса и разложенія, послѣдними минутами тупаго застоя, пришедшаго къ сознанію своей близкой гибели. Теперь представленія измѣнились; XVII в. представляется вѣкомъ сильнаго общественнаго броженія, когда сознавали потребность переменъ, пробовали вводить переменны, спорили за нихъ, искали новаго пути, угадывали, что этотъ путь въ сближеніи съ Западомъ и уже тянулись къ Западу. Теперь ясно, что XVII в. подготовилъ почву для реформы и самаго Петра воспиталъ въ идеѣ реформы. Съ этой точки зрѣнія изученіе XVII в. получаетъ живой интересъ.

И такъ, научное пониманіе Петра Великаго остановилось пока на мысли, полнѣе всего высказанной Соловьевымъ. Наша наука успѣла связать Петра съ прошлымъ и объяснить необходимость его реформъ. Факты его дѣятельности собраны и обслѣдованы въ нѣсколькихъ ученыхъ трудахъ. Историческіе результаты дѣятельности Петра, политической и преобразовательной тоже не одинъ разъ указаны. Теперь мы можемъ изучать Петра вполне научно.

Но, если наша историческая наука пришла къ воззрѣнію на Петра болѣе или менѣе опредѣленному и обоснованному, то въ нашемъ обществѣ еще невыработалось однообразнаго и прочнаго отношенія къ его преобразованіямъ. Въ текущей литературѣ и въ обществѣ до сихъ поръ крайне разнообразно судятъ о Петрѣ. Продолжающіеся, время отъ времени; немного запоздалые споры о степени національности и необходимости Петровыхъ реформъ; подымается довольно праздный вопросъ о томъ, полезна или вредна была реформа Петра въ ея цѣломъ. Всѣ эти мнѣнія, въ сущности, являются видоизмѣненными отголосками исторически слагавшихся воззрѣній на Петра, которыя я старался изложить вамъ въ хронологической послѣдовательности.

Если мы, еще раз, мысленно переберемъ всѣ старыя и новыя взгляды на Петра, то легко замѣтимъ какъ разнообразны они, не только по содержанію, но и по тѣмъ основаніямъ, изъ которыхъ вытекали. Современники и ближайшее потомство Петра, лично задѣтые реформой судили о немъ не спокойно: въ основаніи ихъ отзывовъ лежало чувство, или крайней любви или ненависти. Чувство столько же руководило и тѣми людьми XVIII в., которые, какъ Шербацовъ, грустно смотрѣли на растлѣніе современныхъ нравовъ и считали его плохимъ результатомъ рѣзкой реформы. Петръ какъ бы логическая посылка отъ которой можно идти къ тѣмъ или другимъ философскимъ заключеніямъ о русской исторіи. Отъ вліянія метафизики не свободны и первые шаги дѣлководителей историко-юридической школы; но фактическое изученіе нашей исторіи, которое производилось ими очень добросовѣстно дало, нашимъ ученымъ возможность избавиться отъ предвзятыхъ доктринъ. Руководимые фактами, стремясь къ строго научному общенію, они создали научное отношеніе къ эпохѣ Петра Великаго.

Это научное отношеніе будетъ, конечно, далѣе развиваться въ нашей наукѣ. Но уже теперь плодомъ его является возможность основательно и свободно судить о Петрѣ. Его личность не оторвана отъ родной его почвы, онъ для насъ уже не Богъ и не антихристъ, онъ—опредѣленное лицо, съ громадными силами, съ высокими достоинствами, съ человѣческими слабостями и недостатками. Мы теперь вполне понимаемъ, что его личность и пороки—продуктъ его времени, а его дѣятельность и историческія заслуги—дѣло вѣчности.

Въ выше изложенномъ очеркѣ, историческаго развитія взглядовъ на Петра Великаго и его реформу, я старался показать, что послѣднимъ результатомъ изученія реформы было сознаніе крѣпкой ея внутренней связи съ предъидущимъ ходомъ нашей исторической жизни. Но мало только заявить о такой связи: необходимо указать въ чемъ и какъ она проявилась. Этого требуетъ самый элементарный историческій приемъ изученія: приступая къ какому нибудь историческому факту, считаютъ необходимымъ возстановить его генетически, показать ту историческую обстановку, которою фактъ вызванъ и въ которой совершался. Иначе фактъ останется непонятнымъ.

И мы должны возстановить историческую обстановку реформъ Петра, посмотреть что засталъ на Руси Петръ, когда явился съ своей реформой, какой порядокъ былъ до реформы, какъ развился этотъ дороформенный порядокъ? Уяснивъ себѣ эти вопросы, мы получимъ уже твердую точку отправленія для изученія самаго Петра и будемъ въ состояніи правильно понять историческій смыслъ его дѣятельности.

Задача, предстоящая намъ, распадается на двѣ части. Мы должны изучить существеннѣйшія черты русской жизни въ ту минуту, когда началъ свою дѣятельность Петръ. Мы должны сдѣлать, выражаясь иначе, обзоръ внутренняго состоянія Московскаго Государства въ XVII ст. Но, такъ какъ внутреннее состояніе это понимается разное въ литературѣ, и примирить различныя возрѣнія невозможно, то намъ необходимо свое собственное возрѣніе оправдать и объяснить изъ общихъ

нашихъ взглядовъ на ходъ нашей исторіи. Этой необходимостью обусловливается вторая часть нашей задачи, намъ нужно дать общій обзоръ хода нашей исторіи, условиться въ томъ, какъ вообще мы будемъ представлять себѣ процессъ развитія русской исторической жизни.

Но я уже далъ общій обзоръ исторіи до Петра и только скажу нѣсколько словъ о XVII в.

Смута XVII в., распатавъ всю землю и доведя ее до ужасовъ анархіи, на дѣлѣ доказала обществу необходимость того государственнаго порядка, которымъ прежде оно тяготилось. Въ XVII в. этотъ государственный порядокъ восторжествовалъ, сохраняя не смотря ни на что многія черты простого вотчиннаго владѣнія. Когда вы изучаете строй сѣверныхъ удѣльныхъ княжествъ и развившагося изъ нихъ государства Московскаго, параллельно съ хозяйственнымъ устройствомъ крупной боярской вотчины XVII в., васъ поражаетъ сходство внутренней организаціи въ этихъ трехъ видахъ русскаго емельнаго владѣнія. Боярская вотчина—это миниатюра Московскаго Государства, органическая клѣточка воспроизводитъ здѣсь всю органическую ткань и по первому впечатлѣнію вы не знаете, что подумать: государство ли слагалось по образцу вотчины или частное вотчинное хозяйство по образцу государственнаго?

Но ясенъ здѣсь историческій процессъ, государство, въ данномъ случаѣ, родилось изъ вотчины и сохранило ея черты, сохранило, до нѣкоторой степени даже и въ XVII в.

Въ этомъ вѣкѣ мы видимъ уже полное торжество государственныхъ понятій и твердые шаги къ устройству государства; организуется областное управленіе государственнаго характера; вносится большая система въ устройство центрального управленія; замыкаются сословія; происходятъ кодификація и переработка дѣйствующаго права и т. д. Словомъ, снимается дѣтское платье и замѣняется новымъ, правда, мало еще совершеннымъ. Реформа Петра Великаго его совершенствуетъ, но въ сущности не замѣняетъ другимъ.

Въ успѣхахъ русской государственности и заключается историческое значеніе XVII в.: это—первый вѣкъ устроенія—не сложенія, а именно устроенія единаго русскаго государства, когда частный бытъ окончательно уступилъ мѣсто государственному.

Это оживленіе частнаго быта и смѣна его государственнымъ началами жизни и составляетъ отличительное содержаніе XVII в. отъ вѣковъ предыдущихъ. Мы привыкли XVII в. отрывать и отъ послѣдующихъ вѣковъ. Мы считаемъ этотъ вѣкъ принадлежащимъ къ древней Руси и съ XVIII в. начинаемъ новую исторію. Для насъ грань между XVII и XVIII вв. даже ощутительнѣе чѣмъ грань между XVII в. и болѣе древними временами. Такое, не совсѣмъ точное представленіе держалось среди насъ подъ вліяніемъ научной литературы, поддерживается и до сихъ поръ нѣкоторыми историками.

Вспомнимъ, что для людей XVII в. реформа Петра заслонила прошлое, что, по ихъ мнѣнію, Петръ уничтожилъ сразу старыя начала московской жизни. Одни этому радовались, другіе жалѣли старину. Вспомнимъ далѣе, что западники XIX вѣ. считали XVII в.

временемъ наибольшаго и наиболѣйшаго застоя, а славянофилы, напротивъ, временемъ наилучшаго выраженія самобытной цивилизаціи. И тѣ, и другіе думали, что порядокъ, господствовавшій тогда, въ корень уничтоженъ Петромъ. Вспомнимъ наконецъ, что представители науки рисовали XVII в. вѣкомъ государственнаго кризиса, который былъ исцѣленъ рѣзкимъ переворотомъ Петра. Если станемъ на любую изъ этихъ точекъ зрѣнія, мы поймемъ, что по вѣковымъ представленіямъ нашихъ предковъ, между XVII в. и реформой—цѣлая бездна. Я уже указывалъ, что теперь въ послѣднее время, таковой бездны не находятъ.

Велѣды за С. М. Соловьевымъ, многіе начинаютъ думать, что не только реформа Петра въ общемъ ея направленіи, но и всѣ основныя факты нашего общественнаго и государственнаго строя XVIII в., за немногими развѣ, исключеніями, покоятся на томъ базисѣ, какой созданъ въ XVII в. и существовалъ почти до нашихъ дней. Не рискуя много ошибиться, можно сказать, что строй XVIII в. начался еще въ XVII в., и то, что было создано въ этомъ вѣкѣ не разложилось въ реформѣ, а продолжало жить. Въ XVII в. слагался окончательно государственный бытъ; въ XVII разлагались и исчезали старыя общественныя формы частнаго быта. Явленія частнаго быта отличаютъ XVII ст. отъ позднѣйшаго времени; торжество государственныхъ началъ отличаетъ его отъ позднѣйшихъ эпохъ. Такимъ образомъ; это столѣтіе по справедливости можетъ назваться переходной эпохой отъ старой Россіи къ новой.

Намъ нѣтъ надобности подробно объяснять послѣднія слова послѣ того, что сказано о древней исторіи. Мы видѣли, что Московское Государство слагалось средствами частнаго быта и многими своими сторонами напоминало разросшуюся частную вотчину. Съ такими чертами частнаго владѣнія перешло оно и въ XVII в., но въ эту послѣднюю эпоху государственныя потребности настолько разрослись и осложнились, что требовали полнаго измѣненія тѣхъ установленій и учрежденій частнаго характера, которыми прежде управлялось государство—вотчина, и которыя теперь уже не удовлетворяли нуждамъ времени. И, дѣйствительно, эти установленія и учрежденія, примѣняясь къ новымъ условіямъ жизни, росли и видоизмѣнялись, теряя прежнія характерныя черты и получая чисто государственный характеръ. Въ этомъ собственно и состояло ихъ разложеніе. Тамъ гдѣ древнее установленіе не могло быть примѣнено къ требованіямъ государственной жизни, тамъ XVII в. не затруднялся замѣнить его новымъ, но дѣлалъ это очень осторожно, не отрываясь рѣзко отъ старины. Тамъ же, гдѣ древніе обычаи частнаго быта, могли удовлетворять вновь нарождавшимся нуждамъ государства, тамъ наши предки XVII в. оставались вѣрными старинѣ, развивали старыя начала, внесли въ нихъ свои поправки и эти старыя начала передавали XVIII вѣку и намъ. Главною задачею русскаго общества въ XVII в. было устройство и развитіе государственнаго порядка; эта задача разрѣшалась не безъ успѣха и XVII в.—несомнѣнно первый вѣкъ установленія *полной государственности* на Руси. Въ этомъ—значеніе XVII в. для по-